
Обмен дарами в академической среде: хищнические практики, ложные сигналы и конфликт интересов в программах превосходства

Е.И. ТРУБНИКОВА*

***Екатерина Ивановна Трубникова** – доктор экономических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия, ei.trubnikova@gmail.com; etrubnikova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1574-0031>

Цитирование: Трубникова Е.И. (2022) Обмен дарами в академической среде: хищнические практики, ложные сигналы и конфликт интересов в программах превосходства // Мир России. Т. 31. № 1. С. 25–48. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-25-48

Аннотация

Одной из главных целей программ превосходства в области высшего образования является повышение конкурентоспособности национальных университетов на мировом уровне. Однако в зависимости от страны реализации такие инициативы превосходства могут приводить к разным результатам. Исследование представляет анализ скрытых взаимоотношений внутри академических сетей, которые зачастую подменяют собой позитивный академический нетворкинг. Для иллюстрации предлагается использовать теорию обмена дарами. При возникновении взаимоотношений обмена дарами сложно избежать конфликта интересов. Представленное исследование акцентирует внимание на распространение этой проблемы в академической среде. Нечестное поведение в сфере науки и образования имеет долгосрочные последствия не только для страны реализации, но и для всей академической системы в целом. И академические сигналы, целью которых должны выступать снижение асимметрии информации и награждение более достойных претендентов, лишь усугубляют проблему и заполняют академический рынок имитациями и ложными атрибутами престижа. Завышенные ложные сигналы не только создают повышенный поток ренты для их обладателей, но также привлекают к использованию данной схемы других акторов, фактически разрушая систему стимулов и мотиваций в академической среде, отвечающую интересам общества.

Ключевые слова: высшее образование, обмен дарами, блат, программы превосходства, международные рейтинги университетов, конфликт интересов, хищнические журналы, наукометрия

Статья поступила в редакцию в июне 2021 г.

Введение

При формировании политики в области высшего образования часто выделяют три подхода: (1) равномерное распределение ресурсов, (2) субсидирование компенсации региональных, структурных или иных недостатков, (3) эффективное распределение ресурсов путем награждения победителей [Civera et al. 2020]. Для оправдания государственных расходов эффект выбранного политического подхода должен приводить к положительным для общества результатам [Lehmann, Stockinger 2019]. Так, основная задача программ превосходства (Excellence Initiatives) в системе высшего образования, как правило, состоит в повышении конкурентоспособности национальных университетов на мировом уровне.

Инициативы превосходства получили распространение в конце 1980-х гг. и в настоящее время реализуются в более чем 40 странах, а в отдельных юрисдикциях – в формате второго или даже третьего поколения [Отчет о результатах 2021]. Выбор университетов для вхождения в финансируемую группу инициатив превосходства, как правило, происходит согласно третьему принципу, а именно стратегии выбора победителей (“picking the winners” strategy), и предполагает поддержку наиболее сильных научных коллективов [Autio, Rannikko 2016]. Однако не для всех институциональных условий это справедливо. Так, например, несмотря на декларирование принципов отбора наиболее сильных университетов в российский Проект 5-100, среди других были включены вузы, которые заметно уступали многим своим российским конкурентам¹.

С одной стороны, вхождение университета в международные рейтинги, которое, как правило, фигурирует как целевой индикатор в программах превосходства, является сигналом о качественных характеристиках организации и позволяет сопоставить разные университеты между собой². С другой стороны, уже само вхождение в программу финансирования создает определенный сигнал для потребителей на рынке образовательных услуг. Однако благая цель – повышение конкурентоспособности национальных университетов на международной арене – может приводить к определенным диспропорциям на рынке и создавать ложные сигналы не о реальных, а об имитируемых характеристиках. Более того, вхождение в программу финансирования может легитимировать и даже поощрять хищнические и имитационные практики акторов.

Особенностям финансирования российской академической среды в целом и программам превосходства в частности посвящено большое количество исследований. Диапазон мнений достаточно широк – от позитивных до критичных [Зборовский, Амбарова 2019; Иностранцы хищные журналы в Scopus и WoS 2020; Польшин и др. 2017; Трубникова 2020; Трубникова 2021; Balzer 2020; Chirikov 2021; Elsevier 2019; Guskov et al. 2017; Guskov et al. 2018; Kosyakov, Guskov 2019a; Kosyakov, Guskov 2019b; Matveeva et al. 2019; Matveeva,

¹ Впрочем, это утверждение справедливо и для отдельных участников проекта федеральных университетов, где для некоторых вузов явно доминирует второй подход, предусматривающий компенсационные механизмы.

² Международные рейтинги университетов, наряду с иными привлекательными для потребителя характеристиками университетов, хорошо иллюстрируют теорию сигналов М. Спенса [Spence 1978]. Вместе с тем, когда сигналы лишь имитируют реальные характеристики, они способны превратить академический рынок в «рынок лимонов», где товары плохого качества вытесняют товары хорошего качества. Описание «рынка лимонов» см. в [Akerlof 1978].

Ferligoj 2020; Osipian 2018; Sterligov 2018; Trubnikova, Trubnikov 2018; Turko et al., 2016]. Многие исследователи подчеркивают вклад программ превосходства в развитие коллаборации между университетами [*Avanesova, Shamliyan 2018; Guskov et al. 2018; Ivanov et al. 2016; Matveeva, Ferligoj 2020; Mazov, Gureev 2017*]. Менеджмент вузов – участников Проекта 5-100 также высоко оценивает его результаты³, что, впрочем, неудивительно. Стоит отметить, что, если бы студенческая стипендия зависела от того, насколько студент сам себя оценит, то очень вероятно, что все 100 % студентов были бы охвачены стипендиальной поддержкой.

Сигналы академического рынка могут быть сгенерированы различными способами и могут не коррелировать с качественными характеристиками их обладателей. Так, участники проекта стали активно выделять средства на привлечение абитуриентов (чудо-стипендии, пиар-продвижение программ университетов и иные расходы). Вузы активно инвестируют в повышение позиций в рейтингах, заключая с рейтинговыми организациями контракты на консультационные, аналитические, рекламные и иные услуги⁴. Как результат, подобные расходы позволили университетам, использовавшим услуги, которые предоставляются рейтинговыми компаниями, «улучшить свои позиции в глобальном рейтинге университетов, независимо от повышения качества своих институтов» [*Chirikov 2021, p. 9*]. Однако, несмотря на это, результаты отдельных участников далеки не только от первоначальных целей⁵, но и от вхождения вообще в то количество вузов, которое индексировались в рейтингах в начале реализации проекта [*Трубникова 2020*]. Более того, отдельные участники российских проектов финансирования даже после активной поддержки продолжают уступать своим российским «конкурентам без финансирования» не только по показателям международных рейтингов, но и по целому ряду российских.

Вместе с тем не только рейтинговые организации, создавая множественные подрейтинги в ответ на спрос со стороны вузов, легитимируют расходы университетов, активно покупающих их услуги. Отдельные представители академической среды также вносят вклад в легитимацию и в искажение сигналов образовательного рынка. Отечественные и зарубежные ученые активно включены в реализацию программ превосходства как эксперты, члены и председатели наблюдательных и иных советов. С одной стороны, они выполняют некие контролирующие и консультирующие функции, с другой – они получают определенные академические сигналы «престижа» и иные атрибуты авторитета, оплату гостиниц, перелетов, приглашение в качестве ключевых спикеров и лекторов, привлекаются для выполнения грантов (или даже просто вписываются в грантовый коллектив для его поддержки). Таким образом, подобная система нетворкинга формирует для определенных игроков академического рынка возможности извлечения ренты в краткосрочной и даже долгосрочной перспективе.

³ Интервью с вузами-участниками активно представлены как на сайтах самих вузов, так и в СМИ, например: Проект 5-100: итоги программы (2020) // Forbes Education. 31 июля 2020 // <https://education.forbes.ru/authors/5-100-experts>, дата обращения 15.10.2021.

⁴ Так, согласно исследованию И.С. Чирикова [*Chirikov 2021*], в период с 2013 по 2020 г. российские университеты заключили как минимум 128 контрактов на услуги QS, которые, наряду с услугами, включали иные составляющие на общую сумму 3 871 378 долл. Средняя стоимость контракта составляла более 12 000 долл. На сайте госзакупок были обозначены контракты на сумму 100 тыс. долл. и более 200 тыс. долл.

⁵ В документацию уточнение о предметных и иных рейтингах попало лишь в 2016 г.

И причина невозможности достижения обозначенных в проектах превосходства ориентиров может объясняться наличием неявных механизмов, которые поощряют имитационные и хищнические действия. В рамках данной статьи акцент будет сделан на тех скрытых причинах, которые могли привести к непланируемым первоначально результатам. В частности, в фокус исследования попали специфические скрытые механизмы извлечения ренты, на основе которых, в числе прочего, происходит взаимодействие внутри академической сети. Так, в качестве особого механизма взаимоотношений внутри сети выделен обмен дарами между участниками. При этом предлагаемый для анализа феномен взаимного обмена является не только основой для получения ренты обменивающимися сторонами, но и помогает легитимировать многие решения, принимаемые в рамках университетов. Исследование сфокусировано на российской программе превосходства – Проекте 5-100, хотя отдельные примеры затрагивают более широкий круг акторов.

Концептуальные рамки исследования

После появления основополагающих работ о проблеме рентоориентированного поведения (*rent-seeking*) [Tullock 1967; Krueger 1974] эта тема заняла важное место в экономической науке. Предполагается, что затраченные на поиск ренты ресурсы можно было бы использовать в других видах деятельности более целесообразно для общества. Академическая сфера, очевидно, не является исключением из этих правил. Чем больше ресурсов выделяется на рентоориентированных акторов, тем меньше достается тем, кто придерживается принципов академической этики. Не все примеры рентоориентированного поведения можно отнести к коррупции, достаточно часто все реализуется в пределах правового поля, что нашло отражение в появившейся теории институциональной коррупции [Thompson 1995; Lessig 2013]. Теория общественного выбора всегда отмечала, что цели рентоискателей проще достигаются, когда они представляют собой группу, способную оказывать влияние на принимаемые решения [Olson 1965].

Рентоискательство в системе образования имеет в своей основе те же причины, что и в иных видах деятельности. В данном случае лица, имеющие возможность воздействия на регулирующий орган (будь то структуры в рамках организации или же структуры в рамках отрасли), используют доступность рент от слабейших групп, что создает возможность для поддержания гармонического рентоориентированного равновесия, при этом «проигрывающие группы плохо организованы и поэтому неспособны эффективно влиять на исходы» [Левин, Шилова 2016, с. 13].

Однако возникает вопрос об обмене получаемыми выгодами и интересами между участниками таких групп, и очевидно, что подобный обмен может совершаться по-разному и на различных условиях. Для иллюстрации данного механизма, активно применяемого в академической среде, в рамках данного исследования предлагается использовать теорию обмена дарами.

Существует разные подходы к пониманию термина «обмен дарами». Традиционно дарообмен рассматривается как альтернатива рыночным отношениям

(например, [Polanyi 1944]). Дар воспринимается как элемент бескорыстных взаимоотношений, не ожидающих получения чего-то взамен, при отсутствии поиска индивидуальной выгоды. Однако высказывается и иная точка зрения, согласно которой дарообмен существует при наличии встречных обязательств и может принимать как форму дарения, так и форму обмена⁶. Используемая в статье трактовка дара в определенной степени контрастирует с «безвозмездным» пониманием термина, в связи с чем есть необходимость более детально аргументировать позицию и пояснить логику использования термина «обмен дарами».

В известной работе Марселя Мосса, во многом заложившей основы дискуссии об обмене дарами, утверждается, что подарки являются добровольными только теоретически, а на самом деле они «взаимно обязательны» [Mauss 1990 (1925), p. 3]. Подарки «не дарятся бесплатно», «не являются бескорыстными», а представляют собой некие «встречные услуги не только с целью оплаты услуг или вещей, но также для поддержания выгодного союза, от которого нельзя отказаться» [Mauss 1990 (1925), p. 94]. Существует даже точка зрения, что «идея бесплатного подарка основана на недоразумении» и что «торговля и дарение – это два отдельных вида деятельности, первый из которых основан на точном вознаграждении, а второй – спонтанно, чисто на скрытых мотивах»⁷.

В другой известной работе на данную тему утверждается, что «никакой обмен не будет продолжаться, если обе стороны не извлекают из него какой-то выгоды» [Хоманс 2001, с. 139]⁸. Соответственно, если выгоды для одной из сторон обмена очевидны и отношения продолжают, значит, стоит задуматься и о плюсах для другой стороны. Таким образом, акторы, вовлеченные в обмен и задействованные в принятии решений, способны формировать правила будущих периодов как благодарность за первоначально полученный подарок.

Согласно П. Бурдьё, честный или прямой обмен эквивалентными ценностями отличается от обмена подарками, при котором происходит «обмен, который не может признать себя таковым» [Bourdieu 1979, p. 22]. При этом «агенты стремятся скрыть объективную истину обмена, т. е. расчет, который гарантирует эквивалентность обмена» [Bourdieu 1979, p. 22]. По утверждению П. Бурдьё, «обмен дарами отличается от модели “ты – мне, я – тебе”, которая <...> сталкивает <...> в одном моменте дар и ответный дар» [Бурдьё 2001, с. 91, 207–208]. Как правило, подарки передаются между людьми, уже связанными между собой социальными узами.

В зависимости от того, какие ресурсы участвуют в обмене, он приобретает особые характеристики: так, если в обмене присутствуют частные ресурсы – это обычный обмен подарками; если в качестве дара в обмене участвуют ресурсы организации, такой обмен становится взяткой [Graycar, Jancsics 2017]. Однако, в отличие от традиционного понимания взятки, когда в ответ на запрос происходит предоставление затребованной услуги, во многих случаях такого обмена даритель не всегда вообще представляет, что именно получит в ответ на свой дар в будущие периоды в связи с тем, что сделка не носит одномоментный характер. Более того,

⁶ Например, в [Капелюшников 2005] дарообмен рассматривается как разновидность рынка, а в [Скоробогатов 2011] дарообмен в зависимости от доминирования той или иной мотивации может смещаться как в сторону дарения, так и в сторону обмена.

⁷ Предисловие Мэри Дуглас к работе Марселя Мосса [Mauss 1990].

⁸ См. также [Homans 1958; Homans 1961].

такое взаимоотношение может вообще не подразумевать конкретные ресурсы, которые будут участвовать в обмене.

В представленном исследовании, основываясь на взглядах П. Бурдьё, концепция обмена дарами используется для иллюстрации особенностей транзакций, которые происходят внутри сети, часто не формализованы и разнесены во времени. При этом внутри такой сети прямой обмен невозможен или не выгоден сторонам, но в то же время есть возможность обмена ресурсами сейчас на некий (пусть даже неизвестный в момент начала «сделки») подарок впоследствии. Подобный обмен может относиться к механизмам *rent-seeking*, когда мотивацией такого поведения является именно формирование основы для извлечения ренты. Такие взаимоотношения возможны только в пределах сети, а в отношении сторонних акторов паттерн обмена применяется как приглашение стать членом группы. Более того, в описываемых примерах речь идет также и о смешанных случаях, когда в качестве источника «подарка» выступают как частные ресурсы (частное время, результат труда, использование компетенции участника обмена), так и ресурсы организации. Соответственно, имеет место и обмен привилегиями доступа, в советской традиции именуемое словом «блат».

Согласно А. Леденевой, «специфика блата как обмена “привилегиями доступа” не относится ни к категории подарка, ни к товарному обмену», но такой обмен часто прикрывается риторикой дружбы или знакомства, всегда связан с личными сетями и происходит по запросу [Ledeneva 1998, p. 141]⁹. Феномен, в определенной форме перекликающийся с понятием «блат», можно встретить и в иных национальных традициях: так, в китайской культуре понятие «гуаньси» (*guanxi*) может быть определено как обмен отношениями (*exchange of relationships*), обмен любезностями, обмен одолжениями (*exchange of favour*) или обмен интересами (*exchange of interests*), в рамках которых у другого человека формируется чувство социального обязательства отплатить за полученную услугу в то время, когда это будет необходимо [Guo 2001]; в итальянских традициях неформальной практики отдельные элементы *Raccomandazione* (рекомендация) и *la spintarella* (толчок) [Zinn 2018] как использование социальных связей для достижения цели также могут быть частично соотнесены с подобным поведением.

Несмотря на то, что в качестве объекта обмена может выступать ответное предоставление доступа к неким ресурсам, термин «обмен дарами» используется как более общая форма описания получаемого в ответ подарка (как первоначальному дарителю, так и некоему другому лицу, в котором заинтересован первоначальный даритель), когда наряду с предоставлением ответного доступа (блатом) одариваемый может оказывать (якобы бесплатно) и вполне конкретные оцениваемые услуги (в т. ч. частного характера). И если блат всегда происходит по запросу (см. [Ledeneva 1998; Polese 2008]), то описываемые случаи могут не включать в себя часть запроса, а первоначальный подарок – выступать некой офертой для будущих отношений. В этом плане такие отношения становятся близки к отношениям «гуаньси», в рамках которых возникают социальные обязательства и человеку трудно отклонить просьбу о выплате долга [Yang 1994]. При этом первоначальный подарок может иметь все характеристики дара и служить основой для создания социальных связей. Однако взаимодействующие стороны осведомлены

⁹ См. также [Барсукова 2013; Барсукова, Леденева 2014].

о том, что в ответ на подарок они будут вынуждены оказать некие услуги в дальнейшем, т. е. они осознают свои обязательства.

Важная характеристика, создающая трудности в исследовании таких сетей, – потребность в поддержании участниками взаимобмена позитивного представления о себе, о которой пишет А. Леденева при характеристике отношений, основанных на блате. По этой причине участникам необходимо воспринимать услугу как «помощь, оказываемую альтруистично» [Ledeneva 2008, p. 128]. Именно поэтому в рамках исследования были использованы подходы, которые часто применяются для анализа т. н. скрытых популяций¹⁰. В связи с тем, что сокрытие информации означает сохранение потока ренты, в то время как раскрытие информации может привести к потере существующего статуса, участники сети часто выглядят как обычная сеть. В рамках используемого подхода один найденный случай приводит к выявлению связанных кейсов.

В рамках исследования была использована информация из открытых источников – аффилиации, указанные в публикациях из базы данных Scopus, РИНЦ, ресурсы академического рекрутинга, информация о мобильности из резюме, размещенных на открытых платформах, сайтах вузов, страницах академических и профессиональных социальных сетей и иных ресурсах.

Скрытые механизмы обмена дарами в академической среде

Ассортимент даров, которыми могут обмениваться представители академической группы (сети), разнообразен: от синекур и формального руководства подразделением до привлечения к рентабельным видам работ и включения в грантовые заявки для легитимации выделения денег нужному коллективу, от предоставления позиции до создания целой карьерной траектории. Нередко подобные сети включают в себя представителей контролирующих органов и чиновников разного уровня, которые одновременно с основной работой занимают руководящие должности в образовательных и научных организациях¹¹. С одной стороны, реальное привлечение практиков к процессу обучения, несомненно, является плюсом и способствует формированию у обучаемых компетенций более прикладного характера. С другой стороны, такое совмещение способствует не только прямому получению дохода для чиновника, но и формированию для него академической истории, которая может оказывать поддержку в продвижении по карьерной лестнице. К сожалению, в отдельных случаях такое привлечение практика не предполагает реальной работы и реализуется в форме раздачи синекур. Более того, сама эта ситуация вызывает вопросы о конфликте интересов, особенно когда чиновник имеет отношение к распределению грантов и иных ресурсов, а также к проведению контрольных процедур в отношении академических организаций.

¹⁰ Описание подходов для анализа скрытых популяций представлено, например, в [Goodman 1961; Heckathorn 1997].

¹¹ В отдельных работах отмечается, что в большинстве стран Восточной Европы (включая как европейские страны, так и территории бывшего Советского Союза) «тесные отношения между академиями и государством пронизаны конфликтами интересов» [Milovanovitch et al. 2018, p. 29], что исследователи характеризуют как «академический захват».

Даже если представители группы не совмещают роли в разных сферах деятельности, а просто представляют разные научные организации, то достаточно часто члены внутри группы обмена входят в число лиц, либо принимающих решения в рамках организации, либо способных оказать определенное влияние на принимающих решение, и могут предоставить некие услуги впоследствии. В любом случае при возникновении взаимоотношений обмена дарами сложно избежать вышеобозначенной проблемы конфликта интересов: так, редактор журнала приглашается с лекциями в вуз, а после этого журнал публикует серию статей сотрудников этого университета. Имеют место и более прямые взаимоотношения: вуз оплачивает создание рубрики в журнале, а затем эта рубрика наполняется публикациями с аффилиацией вуза. Председатель диссертационного совета получает от вуза интересное предложение, и представители вуза становятся желанными соискателями ученой степени в выбранном совете. Член Рособнадзора по какой-то непонятной причине в аффилиации указывает российский региональный вуз, находящийся на другом конце страны, – как следствие, у этого вуза в дальнейшем не возникает проблем с прохождением проверок. Вуз покупает услуги рейтинговых агентств, но при стандартных условиях не может попасть в рейтинг, и рейтинговая система меняется: появляются дополнительные подразделы рейтинга, создаются рейтинги развивающихся стран, рейтинги влияния вуза на экономику региона и иные специализированные подрейтинги в ответ на спрос со стороны вузов. Рейтинг расширяет охват, и вуз получает возможность рассказывать о своих достижениях. Университеты оплачивают гостиницы, перелеты, рестораны для председателей наблюдательных советов, членов различных комиссий, формируют для проверяющих иные атрибуты престижа, а потом комиссия принимает решение о продлении финансирования. В подобной ситуации возникает риторический вопрос: «*Quis custodiet ipsos custodes?*»¹².

Зачастую в академических статьях, акцентирующих внимание на положительных сторонах программ превосходства, в качестве источника финансирования указаны средства анализируемой программы, но при этом отмечено отсутствие конфликта интересов. С одной стороны, грант на исследование выделяется достойному коллективу на основе конкурса, с другой – результаты исследований выявляют положительные стороны анализируемого объекта исследования. И, на первый взгляд, имеют место два не связанных между собой события. Одновременно с этим сложно найти критичное исследование какой-либо программы превосходства, выполненное при ее финансовой поддержке.

В действительности возможность взаимовыгодно обмениваться дарами или привилегиями доступа может быть получена различными путями, которые могут быть более или (что происходит чаще) менее прозрачны и очевидны: например, одним из таких вариантов является синхронная академическая мобильность, которая получила распространение в рамках реализации российской программы превосходства [Трубникова 2021]. Иногда вузы официально привлекают *remote staff* (персонал, работающий удаленно) без необходимости посещения организации. Такая форма привлечения позволяет сохранять устойчивым костяк существующей команды и одновременно приобрести аффилиацию в публикациях.

¹² «Кто наблюдает за наблюдателями?», «Кто проверяет проверяющих?» (лат.).

Далеко не все вузы, участвующие в проектах превосходства, требуют нахождения привлекаемого специалиста в длительном творческом отпуске (*sabbatical*), во многих случаях привлеченные сотрудники могут даже не посещать щедрое учебное заведение. Анализ аффилиаций статей, которые опубликованы в журналах, индексируемых в Scopus, позволяет выявить определенные схемы привлечения сотрудников: в действительности они не меняют места работы и продолжают деятельность в прежнем вузе.

Распространенная ситуация, когда топ-менеджер или руководитель структурного подразделения одного вуза числится на позиции профессора в другом российском вузе, при этом не имея какой-либо нагрузки по месту совмещения, но получая финансовые и иные преференции от наличия двух и более мест работы. Не только представители академической среды, но также руководители банков, крупные бизнесмены и чиновники прекрасно вписываются в систему обмена.

Распространенная ситуация, когда российский сотрудник, уезжая за рубеж, продолжает получать заработную плату в российском вузе (зачастую просто за включение, наряду с иностранной аффилиацией, и аффилиации российского вуза), тем самым создавая иллюзию международной коллаборации. Согласно отдельным исследованиям, четверть прироста объема научных публикаций участников российского Проекта 5-100 обеспечили сотрудники, работающие по совместительству [Kosyakov, Guskov 2019a, p. 63].

Иногда вузы просто покупают аффилиации исследователей из иных организаций, которые вписывают финансирующий вуз в публикацию. Для описания особенностей феномена покупки аффилиации используется также термин «покупка академического престижа» [Kosyakov, Guskov 2019b]. Д. Косяков и А. Гуськов отмечают, что «возникло сообщество исследователей, готовых торговать академическим престижем» [Kosyakov, Guskov 2019b, p. 1327]. В данной связи следует отметить, что зачастую вузы, финансируемые в рамках программы превосходства, этот престиж с удовольствием покупают, более того, активно создают этот престиж привлеченным сотрудникам (оплачивая их публикации и включая в грантовые команды). Указанное выше исследование также утверждает, что «225 предположительно приглашенных иностранных исследователей из российских институтов не опубликовали ни одной статьи в сотрудничестве со своими российскими коллегами в 2014–2018 годах» [Kosyakov, Guskov 2019b, p. 1328]. Легко предположить, что привлекающее их руководство вузов получило иные выгоды (дары) от подобной коллаборации. В результате в вузе могут быть сформированы целые коллективы «мертвых душ», которые создают видимость «кипучей» научной деятельности и легитимируют существующий в организации статус-кво [Трубникова 2021].

Заметная часть таких привлеченных исследователей, указанных вузами – участниками российского проекта превосходства в качестве ведущих, являются сотрудниками топовых российских организаций, которые одновременно числятся в нескольких университетах, попадая в отчеты нескольких вузов в разных точках страны, прекрасно легитимируя схему расходования средств и, разумеется, забирая часть бюджета организации, который мог бы быть потрачен на реальное привлечение высококвалифицированных специалистов. Более того, заработная плата на таких позициях в российских университетах может значительно превосходить заработную плату местных сотрудников на позиции доцента и профессора. И это относится не только к опытным, но и к начинающим исследо-

вателям, недавно защитившим свои кандидатские или PhD диссертации. Так, в распространенной международной практике существует временная позиция postdoc, которая позволяет только защитившемуся представителю академического рынка продолжить процесс становления в качестве исследователя, приобрести некий опыт и знания для подготовки к дальнейшей академической карьере. И несмотря на то, что академические практики в разных странах имеют свои особенности, включая уникальные и не свойственные другим юрисдикциям случаи, в европейском вузе сложно себе представить ситуацию, когда заработная плата на последующих ступенях академической траектории, а именно на позициях associate и full professor, при более высокой нагрузке будет ниже, чем зарплата молодого, недавно защитившегося postdoc-исследователя на первых ступенях академической карьеры. Однако в российских реалиях это распространенная ситуация. И одной из причин подобного подхода могут выступать, с одной стороны, пиар, с другой – необходимость наращивания публикационного багажа приглашающей команде, что прекрасно реализуется постдоками и формирует ренту для гостеприимного руководства, не изменяя сложившегося статуса-кво внутри организации.

В итоге становится очевидным, что средства российских программ превосходства позволили сформировать высокую заработную плату своим проверенным сотрудникам (в т. ч. сотрудникам без достижений) и профинансировать обмен дарами, любезностями и интересами между различными представителями академической среды без создания реальной ценности для российской науки [Трубникова 2021]. При этом, согласно вышеотмеченной логике П. Бурдые, обмен дарами не одномоментен, его сложно обнаружить по цифровым следам. Хотя примеры дарообмена можно выявить по данным баз научного цитирования, CV членов группы и их сопоставления с данными других источников.

Такие «другие» академические сети

Преимущества сети не ограничиваются лишь процессом обмена привилегиями доступа и материальными «дарами». Они могут создавать и иные бенефиции, формирующие доход, сигналы и долгосрочную ренту как в период, так и после окончания коллаборации – выстраивание собственного академического престижа при имитации научного сотрудничества, вписывание членов группы в статьи, к которым т. н. соавторы не имеют никакого отношения¹³. Часто у таких соавторов вообще не наблюдается соло-статей (даже в тех научных сферах, где доля таких статей в среднем относительно высока по сравнению с иными направлениями), что вызывает вопросы об их способности к самостоятельным исследованиям за пределами такой сети обмена дарами. Более того, участники программ превосходства зачастую становятся очень «гостеприимны» к актерам с подобной моделью поведения, что порождает новые разветвления сети и масштабирование ренты различного рода имитаторов. И в данном случае речь идет не об авторах из какой-то конкретной страны – масштаб проблемы гораздо шире.

¹³ В данном случае речь идет именно об имитации соавторства, а не о случаях крупных лабораторий в отдельных научных направлениях, где количество соавторов действительно может быть весьма значительным [Polese 2018].

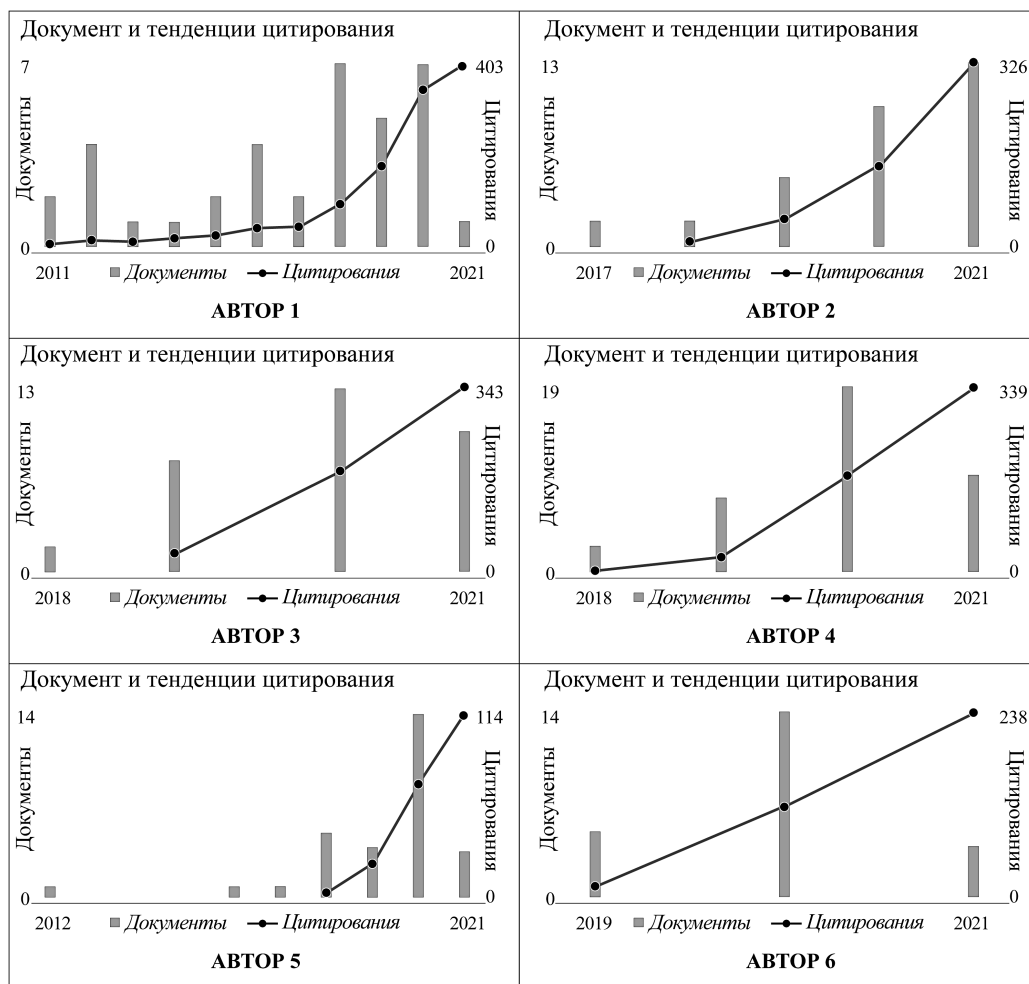

Рисунок 1. Продуктивность отдельных представителей сети по данным Scopus

В качестве примера рассмотрим одну из таких коллабораций (рисунок 1). Данная сеть включает более 50 соавторов, значительная часть которых – граждане одной страны, на территории которой нет университетов, занимающих лидирующие позиции в глобальных рейтингах, но в основном работающие за ее пределами. Отдельные представители сети имеют аффилиацию с российскими вузами. На рисунке 1 представлены 6 участников из этой группы. Отпечаток публикационной активности участников сети включает идентичные паттерны, а большинство публикаций представляют разные сферы социальных наук. Анализ показывает, что короткий временной период коллаборации с такой сетью (1–2 года) позволяет увеличить индекс Хирша с 0 до 10 и более, вырастить публикационный

багаж до десятков статей, опубликованных в журналах 1-го и 2-го квартилей Scopus. Работы члена группы ежегодно генерируют сотни цитирований, сформированных в основном также членами данной коллаборации.

По представленным публикационным траекториям из Scopus можно заметить, что включение в состав сети позволяет не публикующимся до этого времени авторам достичь за пару лет уровня сигналов, сопоставимого с уровнем исследователей из лучших университетов, причем данный паттерн работает для всех членов такого коллектива. Многие территории (не только развивающиеся) хорошо освоили правила системы, что сказывается как на результатах работы группы авторов, так и на результатах работы журналов, где сети этих авторов публикуются. Также это имеет эффект и при оценке результатов программ превосходства, которые в этих странах реализуются.

В рассматриваемой группе, результаты в Scopus которой представлены на *рисунке 1*, за два года с начала публикационной гонки почти каждый участник смог собрать от десятков до нескольких сотен цитирований на свои работы в совершенно разных областях. Член сети в среднем раз в месяц публикует статьи в журналах 1-го и 2-го квартилей Scopus по совершенно не связанным между собой тематикам, причем среди журналов есть издания, включенные в 1-й квартиль начиная с 1990-х гг.¹⁴. Примечательно, что в этом случае паттерн повторяется с небольшими изменениями для многих присутствующих в выборке журналов: журнал включен в 1-й квартиль с 1990-х гг., до начала 2000-х гг. издавал менее 50 статей в год, в первое десятилетие XXI в. количество статей увеличивается от 100 до нескольких сотен в год, а далее (начиная с 2013–2015 гг.) наблюдается лавинообразный рост статей, ежегодное количество которых в отдельных журналах составляет уже несколько тысяч. Более того, в выборке со временем прирастает все большее количество журналов 1-го квартиля. Также в выборке есть и журналы, только что вошедшие в Scopus, которые сеть активно продвигает в сторону 1-го квартиля путем цитирования в журналах, уже в него входящих. Есть журналы, которые вошли в Scopus в прошлом или даже в этом году, сразу начиная со 2-го квартиля. Объяснение лежит на поверхности: до вхождения в систему они уже цитировались высокорейтинговыми журналами, задействованными в работе этой же сети.

Научные интересы публикаций участников анализируемой группы имеют совершенно разнонаправленный характер – от менеджмента, управления человеческими ресурсами и сферы образования до компьютерных наук, проблем экологии, устойчивого развития и даже медицины. Паттерн с небольшими вариациями повторяется при проверке большинства соавторов сети. Для авторов 1 и 5 видно (*рисунки 1*), что коллаборация привела к взрывному цитированию работ, в то время как до вхождения в сеть их работы практически не генерировали цитирований. Более того, у доминирующего числа членов группы первая публикация вышла не ранее трех лет назад, но уже за один 2020 г. большинство (как правило, члены этого же коллектива) набирают от нескольких десятков до нескольких сотен цитирований. При этом главной ценностью публикации становятся цитирование академической сети и наращение индекса цитирования как для конкретной группы авторов, так и для конкретных журналов.

¹⁴ Несмотря на то, что база данных Scopus была запущена в 2004 г., многие издания были включены в нее ретроспективно.

Необходимо отметить, что продуктивность в разных отраслях сильно отличается, но в данном случае речь идет о группе с преимущественно социальным направлением исследований. В действительности работа в группе позволяет подготовить по результатам исследования более одной работы в месяц (все зависит от размера группы и направления исследований), но сложно представить, что работы будут в совершенно разных предметных областях.

Члены сети обеспечивают не только публикации в высокорейтинговых журналах – согласно данным CV одного из членов группы, подобная коллаборация позволяет неизвестному пару лет назад для Scopus автору (первая публикация вышла в 2018 г.) стать ревьюером в десятке авторитетных журналов Q1 и Q2 в совершенно разных научных направлениях (от менеджмента и психологии до компьютерных наук). Необходимо уточнить, что тот же исследователь отметился в качестве приглашенного редактора одного из номеров журнала, который был включен в список хищнических журналов Дж. Билла¹⁵.

Такие академические группы начинают активно цитировать членов коллектива, тем самым создавая академические сигналы не только всем членам коллектива, но и иным прямо или косвенно аффилированным структурам. Вузы с удовольствием тратят средства программ превосходства на покупку престижа таких авторов, они без труда получают позиции, таким коллективам выделяются гранты, оказывается финансовая и иная поддержка. Журналы также выигрывают от подобной коллаборации вне зависимости от того, к какой категории они относились, поскольку подобный паттерн поведения продвигает журналы в базах цитирования. При описании данного паттерна сети речь идет не только о журналах, входящих в черные списки, но и о выглядящих авторитетными изданиях, не только о вузах из конкретной страны, но и в целом об академическом рынке. Хотя следует оговориться, что развивающиеся страны более склонны к такому поведению. С другой стороны, если такие случаи начинают встречаться в журналах 1-го и 2-го квартилей и при этом приобретают массовый характер, то это имеет угрожающие последствия для всей академической среды в целом. Более того, если процесс ревьюирования в высокорейтинговых журналах совершенно разной тематики осуществляется одним и тем же исследователем «широкого профиля», это подрывает академические основы и заменяет их ложными сигналами и захваченными (а то и просто фейковыми) инсигниями академического мира. При наличии ревьюера с подобной моделью поведения журнал становится гостеприимным и к иным представителям этой сети. И журнал в ограниченном временном промежутке становится площадкой, через которую сеть наращивает и развивает «элементы своего престижа». Фактически журнал любого квартиля может быть захвачен подобной сетью.

«<...> Через месяц у меня выйдет статья в журнале X. <...> Нет, статья еще не дописана, <...> но уже есть договоренность» (X – журнал в области компьютерных наук; издается одним из ведущих издательств; индексируется в Scopus более 20 лет,

¹⁵ Brezgov S. (2019) List of Publishers // Scholarlyoa, May 27, 2019 // <http://scholarlyoa.com/publishers/>;
Brezgov S. (2019) List of Standalone Journals // Scholarlyoa, May 27, 2019 // <http://scholarlyoa.com/individual-journals/>, дата обращения 15.10.2021.

в 1-м квартиле – в течении последних 12 лет, H-Index – более 140; входит в белые списки; публикация в указанном журнале стимулируются российскими вузами и позволяет в отдельных случаях в течение года (или даже двух) получать ежемесячно дополнительное вознаграждение, превышающее заработную плату сотрудника в должности доцента¹⁶).

Соответственно, подобные журналы создают не только престиж для авторов, но и позволяют этот престиж достаточно быстро монетизировать.

Аналогичный приведенному на *рисунке 1* паттерн можно наблюдать не только на примере отдельных авторов, но и применительно к издательствам. Журналы и даже группы журналов начинают цитировать друг друга для наращивания индексов цитирования. Исследователи академического рынка еще в конце 1990-х гг. отмечали, что формирование картелей цитирования – это способ накапливать цитаты, не имеющие ничего общего с научной ценностью публикации [Franck 1999]. При этом если иные механизмы наращивания цитирования относительно просто обнаружить, то выявление картелей цитирования сложно описать в виде алгоритма, что создает преграды для сдерживания подобного поведения¹⁷.

Зачастую использование различных методик искусственного увеличения желаемых показателей дает их инициаторам очень неплохие результаты. Например, в отдельных исследованиях можно найти описание случая, когда журнал, учрежденный одним из университетов постсоветского пространства только в 2000 г., уже в 2010 г. попал в топ-3 в рейтинге экономических журналов WoS, при этом доминирующая доля цитирований была обеспечена журналами, также издаваемыми этим университетом¹⁸. Однако попытки одних игроков использовать правила системы могут негативно отразиться на не задействованных в подобных схемах акторах, т. к. они начинают проигрывать представителям сети как по количеству публикаций, цитированию и иным атрибутам академического престижа, так и по доходам и возможности занять позиции.

Масштаб проблемы: анализ коллаборации вузов в сомнительных журналах

В предыдущем разделе представлены взаимоотношения групп, реализующих свои амбиции посредством публикаций и наращивания цитирования в журналах 1-го и 2-го квартилей базы Scopus. Проблема приобретает более выраженную окраску, когда паттерн поведения склоняется в сторону журналов с сомнительной мо-

¹⁶ Из интервью с одним из международных англоязычных исследователей, аффилированным с российским вузом; проведено в апреле 2021 г. В описанном случае речь идет о публикации обычной академической статьи, а не о конференции, рецензии на книгу или статье в специализированной рубрике или выпуске журнала, где часто встречаются иные правила отбора и рецензирования.

¹⁷ Davis Ph. (2012) The Emergence of a Citation Cartel // The Scholarly Kitchen, April 10, 2012 // <https://scholarlykitchen.sspnet.org/2012/04/10/emergence-of-a-citation-cartel/>, дата обращения 15.10.2021.

¹⁸ Яковлев А.А. (2018) Чужие ошибки и свой аршин // Коммерсантъ. 30 ноября 2018 // <https://www.kommersant.ru/doc/3813224>, дата обращения 15.10.2021.

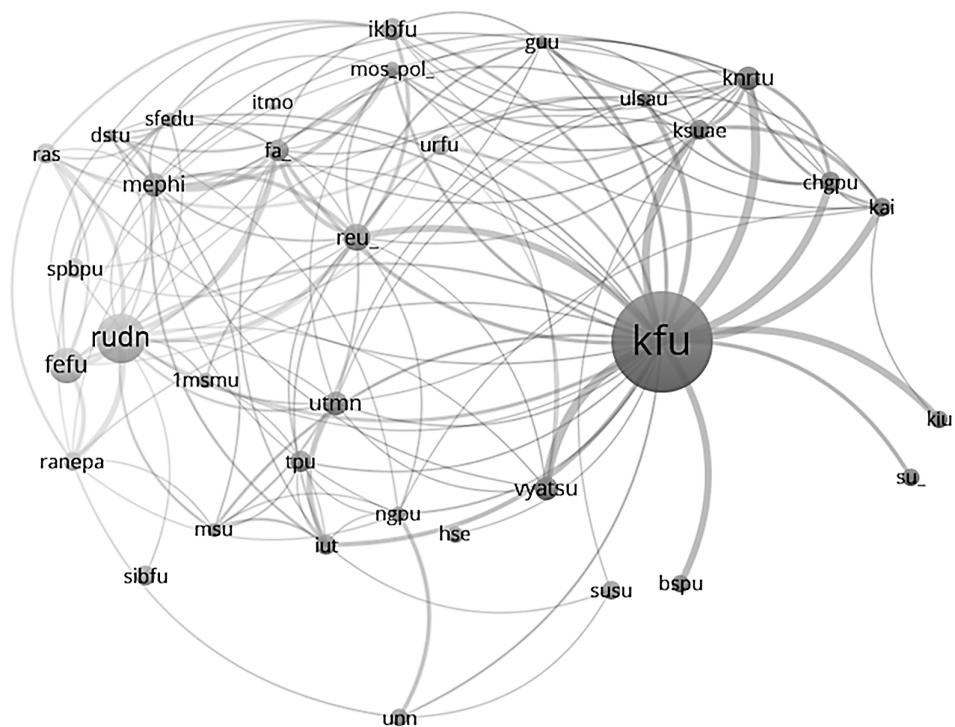
делью поведения или даже явно в сторону хищнических журналов. Следует еще раз отметить, что взаимоотношения между участниками сети в полном соответствии с теорией не транспарентны для общества, и транзакции могут не оставлять цифровых следов. Однако о наличии взаимоотношений внутри сети можно судить по косвенным данным. В качестве подтверждающих фактов наличия связей и использования этих связей в ущерб интересам общества можно использовать данные о коллаборации вузов, отраженные в совместных публикациях в журналах, вызывающих сомнения в их добросовестности.

Как было проиллюстрировано выше, далеко не все участники такого обмена дарами публикуются в сомнительных журналах, однако очевидно, что в значительном количестве случаев публикации таких академических сетей представлены именно в журналах, входящих в список Дж. Билла и другие известные черные списки. В связи с этим подобные журналы могут выступать лакмусовой бумагой для выявления паттернов поведения, интересных для целей исследования. Среди представителей таких сетей можно найти тех, кто аффилирован в рамках синхронной мобильности с несколькими российскими вузами, имеет высокий индекс Хирша, и при этом десятки проиндексированных в Scopus статей опубликованы в журналах из обозначенного списка. Количество соавторов у таких исследователей в некоторых случаях превышает 200 чел. за пятилетний период. Возможный аргумент о массовой покупке соавторства в публикациях не объясняет феномена множественности аффилиаций отдельных авторов и периодического повторения коллектива соавторов в статьях.

На *рисунке 2* представлена визуализация выборки данных из Scopus, выполненная при помощи программного обеспечения VOSviewer, разработанного сотрудниками Лейденского университета и предназначенного для конструирования и визуализации библиометрических сетей. Выборка из Scopus включает публикации участников Проекта 5-100 (21 вуз) за 2015–2019 гг. в 10 популярных среди российских авторов журналах социальной и экономической направленности¹⁹, которые входят в доступные черные списки. Общее количество представленных в выборке статей – 1872 документа. Последний год реализации Проекта 5-100 (2020 г.) был исключен из анализа по нескольким причинам: многие журналы из списка сомнительных были к тому времени уже удалены из Scopus, а новые издания с подобной моделью поведения не успели попасть в списки, также это последний год реализации проекта с недостаточно прозрачным продолжением финансирования.

На *рисунке 2* отображены связи вузов посредством соавторства. Следует отметить, что журналы для анализа были выбраны по причине частоты появления публикаций в них у проанализированных акторов со специфическими характеристиками мобильности. При этом результаты представленного исследования согласуются с другими работами. Например, все журналы входят в топ-30 «хищных журналов – лидеров по публикациям российских авторов» разной специализации, представленных в отчете, опубликованном сотрудниками РАН [Иностранные хищные журналы в Scopus и WoS 2020, с. 31–32].

¹⁹ Акцент сделан на журналах социально-экономического направления. По этой причине вузы преимущественно технической направленности не попали в указанные критерии и не представлены в визуализации. Следует отметить, что склонность к работе в команде различна в разных научных отраслях. Однако авторы публикаций, представленные в данной выборке, также активны и в журналах иных категорий.

Обозначения

- 1MSMU – Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова
- BSPU – Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
- ChGPU – Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева
- DSTU – Донской государственный технический университет
- FA – Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
- FEFU – Дальневосточный федеральный университет
- GUU – Государственный университет управления (ГУУ)
- HSE – Национальный исследовательский университет ВШЭ
- IKBFU – Балтийский федеральный университет им. Канта
- ITMO – Национальный исследовательский университет ИТМО
- IUT – Тюменский индустриальный университет
- KAI – Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ
- KFU – Казанский федеральный университет
- KIU – Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
- KNRTU – Казанский национальный исследовательский технологический университет
- KSUAE – Казанский государственный архитектурно-строительный университет
- MEPHI – Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
- Mos_Pol – Московский политехнический университет
- MSU – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- NGPU – Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
- RANEPa – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- RAS – Российская академия наук
- REU – Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
- RUDN – Российский университет дружбы народов
- SFedU – Южный федеральный университет
- SIBFU – Сибирский федеральный университет
- SPBPU – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
- SU – Самарский университет
- SUSU – Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ)

TPU – Томский политехнический университет

UISAU – Ульяновский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина

UNN – Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

URFU – Уральский федеральный университет

UTMN – Тюменский государственный университет

VYATSU – Вятский государственный университет

Рисунок 2. Коллаборация вузов в сомнительных журналах

Составлено по выборке данных Scopus за 2015–2019 гг.

В выборку попали не только вузы, вошедшие в Проект 5-100, но и иные российские и зарубежные организации, которые имели совместные публикации в обозначенных журналах. В визуализации представлены 35 вузов с наибольшим количеством публикаций в выборке. Организации, имеющие в выборке меньший объем публикаций в соавторстве с вузами – участниками Проекта 5-100, в визуализацию не попали. Соединительные линии ограничены наличием как минимум двух совместных публикаций.

Необходимо уточнить, что это только вершина айсберга: выборка включает документы, опубликованные за 5 лет лишь в 10 журналах с акцентом на публикации вузов – участников Проекта 5-100. На *рисунке 2* можно увидеть наиболее активных участников сети. Размер «узла» говорит о количестве публикаций с аффилиацией данного вуза в выборке; толщина соединительных линий отражает силу связи между вузами в данных публикациях. Обращает на себя внимание, что из-за распространения подобной практики в рамках отдельных сетей и отдельных вузов в выборку попали и авторитетные университеты, которые не поощряют такое поведение, ориентируясь на общедоступные или собственные черные списки журналов.

Исходя из представленных данных, можно сделать вывод о наличии нескольких кластеров, представители которых аккумулируются вокруг наиболее активных игроков. Данные также позволяют выявить организации, через которые происходит взаимодействие между кластерами. При этом *рисунок 2* отображает не только связи между вузами через соавторство, но и множественные аффилиации авторов данных публикаций. Более того, как минимум 8% из 1872 проанализированных статей имели грантовую поддержку, о чем имеется информация в базе данных Scopus.

С одной стороны, приведенный анализ показывает, что практика покупки публикаций в сомнительных журналах способна приносить не только плоды вузу (например помочь преодолеть порог в 1 тыс. публикаций, проиндексированных в Scopus, за 5 лет для попадания в ТНЕ), но и строить успешную карьеру его топ-менеджерам. С другой стороны, введение различных черных и белых списков не лишено недостатков: и лоббирование интересов членов комиссии зачастую может приводить к включению в белые списки явно слабых журналов по протекции, в то время как в черный список попадают журналы, не использующие хищническую модель поведения, но в то же время конкурирующие с журналами составителей списка.

Нечестное поведение в академической сфере имеет долгосрочные последствия. Настораживает большая представленность в проанализированной выборке (*рисунок 2*) российских педагогических вузов (при том что вузы данной категории не финансировались в рамках Проекта 5-100 и, соответственно, не были включены в критерии запроса). Данная ситуация уже не только через университеты, а посредством

школьного образования влияет на результат образовательной системы в целом и ведет к передаче негативного паттерна будущим поколениям. Хищнические практики могут объяснять как недоверие населения к результатам научных исследований, так и поднимать вопросы о необходимости и целесообразности расходов на данную сферу.

Заключение

Проведенное исследование позволяет выявить отдельные факторы, оказывающие негативное воздействие на реализацию программ превосходства, и проблема не только в нецелевом использовании институтов: она заключена в самом конструировании системы стимулов в академической среде, которая создает возможности для рентгоизвлечения определенным сплоченным группам. Борьба за качество нередко трансформируется в определение доходных сегментов не только в перечне журналов, которые обозначаются как качественные и заслуживающие особого доверия, но и в выделение целых научных направлений по протекции при дискредитации иных. Более того, дополнительное финансирование иногда приводит к появлению хищнических практик, которые не наблюдались до этого, а также создает почву для диффузии этих практик в иные группы и организации, что превращает академический институт «из общественного блага в эксклюзивный источник ренты» [Полищук 2008, с. 29]. Распространение сетей, взаимодействие внутри которых осуществляются на основе обмена дарами, приводит к росту фаворитизма и к формированию, а также легитимации дополнительных схем рентгоизвлечения. Участники сети активно формируют и наращивают академические сигналы для представителей своей группы, далее сформированные группой сигналы позволяют ее представителям быстро монетизировать приложенные усилия и служат источником для захвата ренты и распространения своего влияния. Это находит отражение в формировании институтов следующих периодов, в результате чего программа превосходства может приводить не к превосходству научных достижений, а к доминированию рентных и хищнических практик поведения.

Список источников

- Барсукова С.Ю. (2013) Блатной Советский Союз, или экономика взаимных услуг // Экономическая социология. Т. 14. № 1. С. 111–119.
- Барсукова С.Ю., Леденева А.В. (2014) От глобальной коррупционной парадигмы к изучению неформальных практик: различие в подходах аутсайдеров и инсайдеров // Вопросы экономики. № 2. С. 118–132. DOI: 10.32609/0042-8736-2014-2-118-132
- Бурдые П. (2001) Практический смысл. СПб.: Алетейя.
- Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. (2019) Мечта о хорошем образовании: противоречия развития образовательных общностей в российских университетах // Мир России. Т. 28. № 2. С. 98–124. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-98-124
- Иностранные хищные журналы в Scopus и WoS: переводной плагиат и российские недобросовестные авторы (2020) // Российская академия наук. Комиссия РАН по противодействию фальсификации научных исследований // <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=24971447-ebfb-47b5-a3c2-9d26d467dac1>, дата обращения 15.11.2021.

- Капелюшников Р.И. (2005) Деконструируя Поляни (заметки на полях «Великой трансформации»). Препринт WP6/2005/02. М.: ВШЭ.
- Левин М.И., Шилова Н.В. (2016) Рентоориентированное поведение в системах со сложной структурой. DOI: 10.2139/ssrn.2831381
- Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия (2021) // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. № 2. С. 6–63 // <https://www.sptulobl.ru/law/methodic/Bulleten-2-2021.pdf>, дата обращения 15.11.2021.
- Полищук Л. (2008) Нецелевое использование институтов: причины и следствия // Вопросы экономики. № 8. С. 28–45.
- Польдин О.В., Матвеева Н.Н., Стерлигов И.А., Юдкевич М.М. (2017) Публикационная активность вузов: эффект проекта «5-100» // Вопросы образования. № 2. С. 10–35. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-2-10-35
- Скоробогатов А.С. (2011) Дары, дарообмен и рыночный обмен на шкале организационных форм // Вопросы экономики. № 11. С. 38–56. DOI: 10.32609/0042-8736-2011-11-38-56
- Трубникова Е.И. (2020) Проект 5-100: взгляд через призму теории институциональной коррупции // Мир России. Т. 29. № 2. С. 72–91. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-72-91
- Трубникова Е.И. (2021) Академическая мобильность или networking по-русски? // Вопросы экономики. № 3. 139–151. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-3-139-151
- Хоманс Дж.К. (2001) Социальное поведение: его элементарные формы (главы из книги) HOMANS G.C. “Social Behavior: Its Elementary Forms” // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. № 3. С. 127–164.
- Akerlof G.A. (1978) The Market for “Lemons”: Quality Uncertainty and the Market Mechanism // *Uncertainty in Economics*, Academic Press, pp. 235–251.
- Autio E., Rannikko H. (2016) Retaining Winners: Can Policy Boost High-Growth Entrepreneurship? // *Research Policy*, vol. 45, no 1, pp. 42–55. DOI: 10.1016/j.respol.2015.06.002
- Avanesova A.A., Shamliyan T.A. (2018) Comparative Trends in Research Performance of the Russian Universities // *Scientometrics*, vol. 116, no 3, pp. 2019–2052. DOI: 10.1007/s11192-018-2807-6
- Balzer H. (2020) Can Russia Catch up/Keep up? Russian Science and Education in Putin’s Fourth Term // *Putin’s Russia: Economy, Defense and Foreign Policy* (ed. Rosefielde S.), Singapore: World Scientific Publishing, pp. 127–198.
- Bourdieu P. (1979) *The Distinction*, Paris: Minuit.
- Chirikov I. (2021) Does Conflict of Interest Distort Global University Rankings? // UC Berkeley Research & Occasional Paper Series: CSHE.5.2021 // <https://escholarship.org/content/qt8hk672nh/qt8hk672nh.pdf?t=qs0n2p>, дата обращения 15.10.2021.
- Civera A., Lehmann E.E., Paleari S., Stockinger S.A. (2020) Higher Education Policy: Why Hope for Quality when Rewarding Quantity? // *Research Policy*, vol. 49, no 8, 104083. DOI: 10.1016/j.respol.2020.104083
- Elsevier (2019). Performance of the 5-100 Program Universities: 2012–2018. Analytical Report. November 2019 // https://elsevierscience.ru/5-100_Report2019.pdf, дата обращения 15.10.2021.
- Franck G. (1999) Scientific Communication – A Vanity Fair? // *Science*, vol. 286, no 5437, pp. 53–55. DOI: 10.1126/science.286.5437.53
- Goodman L.A. (1961) Snowball Sampling // *The Annals of Mathematical Statistics*, vol. 32, no 1, pp. 148–170. DOI: 10.1214/aoms/1177705148
- Graycar A., Jancsics D. (2017) Gift Giving and Corruption // *International Journal of Public Administration*, vol. 40, no 12, pp. 1013–1023. DOI: 10.1080/01900692.2016.1177833
- Guo X. (2001) Dimensions of Guanxi in Chinese Elite Politics // *The China Journal*, vol. 46, pp. 69–90. DOI: 10.2307/3182308
- Guskov A., Kosyakov D., Selivanova I. (2017) Strategies to Improve Publication Activities of the Universities Participating in Project 5-100 // *Scientific and Technical Libraries*, vol. 12, pp. 5–18. DOI: 10.33186/1027-3689-2017-12-5-18
- Guskov A.E., Kosyakov D.V., Selivanova I.V. (2018) Boosting Research Productivity in Top Russian Universities: The Circumstances of Breakthrough // *Scientometrics*, vol. 117, no 2, pp. 1053–1080. DOI: 10.1007/s11192-018-2890-8

- Heckathorn D.D. (1997) Respondent-driven Sampling: A New Approach to the Study of Hidden Populations // *Social Problems*, vol. 44, no 2, pp. 174–199. DOI: 10.1525/sp.1997.44.2.03x0221m
- Homans G.C. (1958) Social Behavior as Exchange // *American Journal of Sociology*, vol. 63, no 6, pp. 597–606. DOI: 10.1086/222355
- Homans G.C. (1961) *Social Behavior: Its Elementary Forms*, New York; Burlingame: Harcourt, Brace & World Inc.
- Ivanov V.V., Markusova V.A., Mindeli L.E. (2016) Government Investments and the Publishing Activity of Higher Educational Institutions: Bibliometric Analysis // *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 86, no 4, pp. 314–321. DOI: 10.1134/S1019331616040031
- Kosyakov D., Guskov A. (2019a) Impact of National Science Policy on Academic Migration and Research Productivity in Russia // *Procedia Computer Science*, vol. 146, pp. 60–71. DOI: 10.1016/j.procs.2019.01.080
- Kosyakov D., Guskov A. (2019b) Synchronous Scientific Mobility and International Collaboration: Case of Russia // 17th International Conference on Scientometrics & Informetrics (ISSI2019) Rome, Italy, September 2–5, 2019, pp. 1319–1328.
- Krueger A.O. (1974) The Political Economy of the Rent-Seeking Society // *The American Economic Review*, vol. 64, no 3, pp. 291–303.
- Ledeneva A. (1998) *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Ledeneva A. (2008) “Blat” and “Guanxi”: Informal Practices in Russia and China // *Comparative Studies in Society and History*, vol. 50, no 1, pp. 118–144. DOI: 10.1017/S0010417508000078
- Lehmann E.E., Stockinger S.A. (2019) Entrepreneurship in Higher Education: The Impact of Competition-based Policy Programmes Exemplified by the German Excellence Initiative // *Higher Education Quarterly*, vol. 73, no 1, pp. 70–84. DOI: 10.1111/hequ.12188
- Lessig L. (2013) Foreword: “Institutional Corruption” Defined // *The Journal of Law, Medicine & Ethics*, vol. 41, no 3, pp. 553–555. DOI: 10.1111/jlme.12063
- Matveeva N., Ferligoj A. (2020) Scientific Collaboration in Russian Universities before and after the Excellence Initiative Project 5-100 // *Scientometrics*, vol. 124, no 4, pp. 2383–2407. DOI: 10.1007/s11192-020-03602-6
- Matveeva N., Sterligov I., Yudkevich M.M. (2019) The Russian University Excellence Initiative: Is It Really Excellence that Is Promoted? WP BRP 49/EDU/2019, Moscow: HSE.
- Mauss M. (1990 (1925)) *The Gift: The Form and Reason for Exchange in Archaic Societies*, New York & London: W.W. Norton.
- Mazov N.A., Gureev V.N. (2017) Bibliometric Analysis of the Flow of Publications by Novosibirsk State University in Collaboration with the RAS Siberian Branch // *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 87, no 5, pp. 445–453. DOI: 10.1134/S1019331617050057
- Milovanovitch M., Denisova-Schmidt E., Anapiosyan A. (2018) Conflict of Interest in Eastern Europe: “Academic Capture” // *International Higher Education*, vol. 92, pp. 29–30. DOI: 10.6017/ihe.2018.92.10289
- Olson M. (1965) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*, Cambridge: Harvard University Press.
- Osipian A. (2018) Why Putin's 5-100 Project Is Doomed to Fail // *University World News*, October 5, 2018 // <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20181002154128208>, дата обращения 14.02.2020.
- Polanyi K. (1944) *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, Boston: Beacon Press.
- Polese A. (2008) ‘If I Receive It, It Is a Gift; If I Demand It, Then It Is a Bribe’: On the Local Meaning of Economic Transactions in post-Soviet Ukraine // *Anthropology in Action*, vol. 15, no 3, pp. 47–60. DOI: 10.3167/aia.2008.150305
- Polese A. (2018) *The SCOPUS Diaries and the (il)Logics of Academic Survival. A Short Guide to Design Your Own Strategy and Survive Bibliometrics, Conferences, and Unreal Expectations in Academia*, Ibidem Press.

- Spence M. (1978) Job Market Signaling // Uncertainty in Economics, Academic Press, pp. 281–306.
- Sterligov I. (2018) Russian Federal Universities: A Bibliometric Comparison with 5top100, C9 and Ivy League // Higher Education in Russia and Beyond, no 1(15), pp. 17–22.
- Thompson D. (1995) Ethics in Congress: From Individual to Institutional Corruption, Washington: Brookings Institution.
- Trubnikova E., Trubnikov D. (2018) The Problem of Institutional Corruption in the System of Higher Education // Higher Education in Russia, vol. 27, no 12, pp. 29–38. DOI: 10.31992/0869-3617-2018-27-12-29-38
- Tullock G. (1967) The Welfare Costs of Tariffs, Monopolies, and Theft // Western Economic Journal, vol. 5, no 3, pp. 224–232.
- Turko T., Bakhturin G., Bagan V., Poloskov S. (2016) Influence of the Program “5-top 100” on the Publication Activity of Russian Universities // Scientometrics, vol. 109, no 2, pp. 769–782. DOI: 10.1007/s11192-016-2060-9
- Yang M.M.H. (1994) Gifts, Favors, and Banquets: The Art of Social Relationships in China, Ithaca: Cornell University Press.
- Zinn D. (2018) Raccomandazione (Italy) // The Global Encyclopaedia of Informality: Understanding Social and Cultural Complexity, Volume 2 (ed. Ledeneva A.), London: UCL Press, pp. 229–232. DOI: 10.14324/111.9781787351899

The Exchange of Gifts in the Academic Sphere: Predatory Practices, False Signals, and Conflicts of Interest in Excellence Programs

E.I. TRUBNIKOVA*

***Ekaterina I. Trubnikova** – DSc in Economics, Associate Professor, HSE University, Saint Petersburg, Russian Federation, ei.trubnikova@gmail.com; etrubnikova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1574-0031>

Citation: Trubnikova E.I. (2022) The Exchange of Gifts in the Academic Sphere: Predatory Practices, False Signals, and Conflicts of Interest in Excellence Programs. *Mir Rossii*, vol. 31, no 1, pp. 25–48 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-25-48

Abstract

National academic excellence programs aim to increase the competitiveness of national universities at the international level. However, these initiatives may lead to very different results depending on the country of implementation. This study analyses hidden relationships inside academic networks, which sometimes force these networks to function against general public interests. It draws on the theory of gift exchange. For parties engaged in exchanges, it becomes difficult to avoid conflicts of interest. As a result, academic signals, whose aim is to reduce information asymmetry and boost the competitive advantages of the most deserving actors, do not fulfill their promise and become subject to simulation. Not only do these false signals generate rents, but they also encourage other actors to adopt similar strategies. This distorts the system of incentives in the academic sphere, which could otherwise benefit the broader interests of society.

The article was received in June 2021.

Keywords: *higher education, gift exchange, blat, excellence initiatives, university rankings, conflict of interest, predatory journals, scientometrics*

References

- Akerlof G.A. (1978) The Market for “Lemons”: Quality Uncertainty and the Market Mechanism. *Uncertainty in Economics*, Academic Press, pp. 235–251.
- Autio E., Rannikko H. (2016) Retaining Winners: Can Policy Boost High-Growth Entrepreneurship? *Research Policy*, vol. 45, no 1, pp. 42–55. DOI: 10.1016/j.respol.2015.06.002
- Avanesova A.A., Shamliyan T.A. (2018) Comparative Trends in Research Performance of the Russian Universities. *Scientometrics*, vol. 116, no 3, pp. 2019–2052. DOI: 10.1007/s11192-018-2807-6
- Balzer H. (2020) Can Russia Catch up/Keep up? Russian Science and Education in Putin’s Fourth Term. *Putin’s Russia: Economy, Defense and Foreign Policy* (ed. Rosefelde S.), Singapore: World Scientific Publishing, pp. 127–198.
- Barsukova S. (2013) Blat in the USSR or Economy of Favours. *Journal of Economic Sociology*, vol. 14, no 1, pp. 111–119 (in Russian).
- Barsukova S., Ledeneva A. (2014) From the Global Corruption Paradigm to the Study of Informal Practices: Outsiders vs Insiders. *Voprosy Ekonomiki*, no 2, pp. 118–132 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2014-2-118-132
- Bourdieu P. (1979) *The Distinction*, Paris: Minuit.
- Bourdieu P. (2001) *Practical Meaning*, Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).
- Chirikov I. (2021) Does Conflict of Interest Distort Global University Rankings? *UC Berkeley Research & Occasional Paper Series: CSHE.5.2021*. Available at: <https://escholarship.org/content/qt8hk672nh/qt8hk672nh.pdf?t=qs0n2p>, accessed 15.10.2021.
- Civera A., Lehmann E.E., Paleari S., Stockinger S.A. (2020) Higher Education Policy: Why Hope for Quality when Rewarding Quantity? *Research Policy*, vol. 49, no 8, 104083. DOI: 10.1016/j.respol.2020.104083
- Elsevier (2019). Performance of the 5-100 Program Universities: 2012–2018. Analytical Report. November 2019. Available at: https://elsevierscience.ru/5-100_Report2019.pdf, accessed 15.10.2021.
- Foreign Predatory Journals in Scopus and WoS: Translated Plagiarism and Russian Unscrupulous Authors (2020). *Russian Academy of Science*. Available at: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=24971447-cbfb-47b5-a3c2-9d26d467dac1>, accessed 15.11.2021 (in Russian).
- Franck G. (1999) Scientific Communication – A Vanity Fair? *Science*, vol. 286, no 5437, pp. 53–55. DOI: 10.1126/science.286.5437.53
- Goodman L.A. (1961) Snowball Sampling. *The Annals of Mathematical Statistics*, vol. 32, no 1, pp. 148–170. DOI: 10.1214/aoms/1177705148
- Graycar A., Jancsics D. (2017) Gift Giving and Corruption. *International Journal of Public Administration*, vol. 40, no 12, pp. 1013–1023. DOI: 10.1080/01900692.2016.1177833
- Guo X. (2001) Dimensions of Guanxi in Chinese Elite Politics. *The China Journal*, vol. 46, pp. 69–90. DOI: 10.2307/3182308
- Guskov A., Kosyakov D., Selivanova I. (2017) Strategies to Improve Publication Activities of the Universities Participating in Project 5-100. *Scientific and Technical Libraries*, vol. 12, pp. 5–18. DOI: 10.33186/1027-3689-2017-12-5-18
- Guskov A.E., Kosyakov D.V., Selivanova I.V. (2018) Boosting Research Productivity in Top Russian Universities: The Circumstances of Breakthrough. *Scientometrics*, vol. 117, no 2, pp. 1053–1080. DOI: 10.1007/s11192-018-2890-8
- Heckathorn D.D. (1997) Respondent-driven Sampling: A New Approach to the Study of Hidden Populations. *Social Problems*, vol. 44, no 2, pp. 174–199. DOI: 10.1525/sp.1997.44.2.03x0221m

- Homans G.C. (1958) Social Behavior as Exchange. *American Journal of Sociology*, vol. 63, no 6, pp. 597–606. DOI: 10.1086/222355
- Homans G.C. (1961) *Social Behavior: Its Elementary Forms*, New York; Burlingame: Harcourt, Brace & World Inc.
- Homans G.C. (2001) Social Behavior: Its Elementary Forms. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya II: Sociologiya*, vol. 3 pp. 127–164 (in Russian).
- Ivanov V.V., Markusova V.A., Mindeli L.E. (2016) Government Investments and the Publishing Activity of Higher Educational Institutions: Bibliometric Analysis. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 86, no 4, pp. 314–321. DOI: 10.1134/S1019331616040031
- Kapelyushnikov R. (2005) *Deconstructing Polanyi (Marginal Notes on “The Great Transformation”)*. Preprint WP6/2005/02, Moscow: HSE (in Russian).
- Kosyakov D., Guskov A. (2019a) Impact of National Science Policy on Academic Migration and Research Productivity in Russia. *Procedia Computer Science*, vol. 146, pp. 60–71. DOI: 10.1016/j.procs.2019.01.080
- Kosyakov D., Guskov A. (2019b) Synchronous Scientific Mobility and International Collaboration: Case of Russia. *17th International Conference on Scientometrics & Informetrics (ISSI2019) Rome, Italy, September 2–5, 2019*, pp. 1319–1328.
- Krueger A.O. (1974) The Political Economy of the Rent-Seeking Society. *The American Economic Review*, vol. 64, no 3, pp. 291–303.
- Ledeneva A. (1998) *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Ledeneva A. (2008) “Blat” and “Guanxi”: Informal Practices in Russia and China. *Comparative Studies in Society and History*, vol. 50, no 1, pp. 118–144. DOI: 10.1017/S0010417508000078
- Lehmann E.E., Stockinger S.A. (2019) Entrepreneurship in Higher Education: The Impact of Competition-based Policy Programmes Exemplified by the German Excellence Initiative. *Higher Education Quarterly*, vol. 73, no 1, pp. 70–84. DOI: 10.1111/hequ.12188
- Lessig L. (2013) Foreword: “Institutional Corruption” Defined. *The Journal of Law, Medicine & Ethics*, vol. 41, no 3, pp. 553–555. DOI: 10.1111/jlme.12063
- Levin M., Shilova N. (2016) *Rentseeking Behavior in Systems with a Complex Structure* (in Russian). DOI: 10.2139/ssrn.2831381
- Matveeva N., Ferligoj A. (2020) Scientific Collaboration in Russian Universities before and after the Excellence Initiative Project 5-100. *Scientometrics*, vol. 124, no 4, pp. 2383–2407. DOI: 10.1007/s11192-020-03602-6
- Matveeva N., Sterligov I., Yudkevich M.M. (2019) *The Russian University Excellence Initiative: Is It Really Excellence that Is Promoted?* WP BRP 49/EDU/2019, Moscow: HSE.
- Mauss M. (1990 (1925)) *The Gift: The Form and Reason for Exchange in Archaic Societies*, New York & London: W.W. Norton.
- Mazov N.A., Gureev V.N. (2017) Bibliometric Analysis of the Flow of Publications by Novosibirsk State University in Collaboration with the RAS Siberian Branch. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 87, no 5, pp. 445–453. DOI: 10.1134/S1019331617050057
- Milovanovitch M., Denisova-Schmidt E., Anapiosyan A. (2018) Conflict of Interest in Eastern Europe: “Academic Capture”. *International Higher Education*, vol. 92, pp. 29–30. DOI: 10.6017/ihe.2018.92.10289
- Olson M. (1965) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*, Cambridge: Harvard University Press.
- Osipian A. (2018) Why Putin's 5-100 Project Is Doomed to Fail. *University World News*, October 5, 2018. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20181002154128208>, accessed 14.02.2020.
- Polanyi K. (1944) *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, Boston: Beacon Press.
- Poldin O., Matveeva N., Sterligov I., Yudkevich M. (2017) Publication Activity of Russian Universities: The Effects of Project 5-100. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 2, pp. 10–35 (in Russian). DOI: 10.17323/1814-9545-2017-2-10-35

- Polese A. (2008) 'If I Receive It, It Is a Gift; If I Demand It, Then It Is a Bribe': On the Local Meaning of Economic Transactions in post-Soviet Ukraine. *Anthropology in Action*, vol. 15, no 3, pp. 47–60. DOI: 10.3167/aia.2008.150305
- Polese A. (2018) *The SCOPUS Diaries and the (il)Logics of Academic Survival. A Short Guide to Design Your Own Strategy and Survive Bibliometrics, Conferences, and Unreal Expectations in Academia*, Ibidem Press.
- Polishchuk L. (2008) Misuse of Institutions: Its Causes and Consequences. *Voprosy Ekonomiki*, no 8, pp. 28–45 (in Russian).
- Report on the Results of the Expert-Analytical Event (2021). *Bulletin of Accounts Chamber of the Russian Federation*, no 2(279), pp. 6–63. Available at: <https://www.sptulobl.ru/law/methodic/Bulleten-2-2021.pdf>, accessed 15.11.2021 (in Russian).
- Skorobogatov A. (2011) Gifts, Gift Exchange, and Market Exchange as Organizational Alternatives. *Voprosy Ekonomiki*, no 11, pp. 38–56 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2011-11-38-56
- Spence M. (1978) Job Market Signaling. *Uncertainty in Economics*, Academic Press, pp. 281–306.
- Sterligov I. (2018) Russian Federal Universities: A Bibliometric Comparison with Stop100, C9 and Ivy League. *Higher Education in Russia and Beyond*, no 1(15), pp. 17–22.
- Thompson D. (1995) *Ethics in Congress: From Individual to Institutional Corruption*, Washington: Brookings Institution.
- Trubnikova E., Trubnikov D. (2018) The Problem of Institutional Corruption in the System of Higher Education. *Higher Education in Russia*, vol. 27, no 12, pp. 29–38. DOI: 10.31992/0869-3617-2018-27-12-29-38
- Trubnikova E. (2020) Project 5-100: A View through the Prism of the Theory of Institutional Corruption. *Mir Rossii*, vol. 29, no 2, pp. 72–91 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-72-91
- Trubnikova E. (2021) Academic Mobility or the Russian Style Networking? *Voprosy Ekonomiki*, no 3, pp. 139–151 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2021-3-139-151
- Tullock G. (1967) The Welfare Costs of Tariffs, Monopolies, and Theft. *Western Economic Journal*, vol. 5, no 3, pp. 224–232.
- Turko T., Bakhturin G., Bagan V., Poloskov S. (2016) Influence of the Program “5-top 100” on the Publication Activity of Russian Universities. *Scientometrics*, vol. 109, no 2, pp. 769–782. DOI: 10.1007/s11192-016-2060-9
- Yang M.M.H. (1994) *Gifts, Favors, and Banquets: The Art of Social Relationships in China*, Ithaca: Cornell University Press.
- Zborovsky G., Ambarova P. (2019) The Dream of Quality Education: Contradictions in the Development of Educational Communities in Russian Universities. *Mir Rossii*, vol. 28, no 2, pp. 98–124 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-98-124
- Zinn D. (2018) Raccomandazione (Italy). *The Global Encyclopaedia of Informality: Understanding Social and Cultural Complexity*, Volume 2 (ed. Ledeneva A.), London: UCL Press, pp. 229–232. DOI: 10.14324/111.9781787351899